

„МОЯ АРТИСТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

Около сорока лет жизни народной артистки СССР Антонины Николаевны Самариной связано с Горьковским академическим театром драмы имени А. М. Горького. Еще больший отрезок времени связывает ее с нашим городом. Родившаяся в Петербурге, детские годы актриса провела в Нижнем Новгороде. Ее отец — актер и режиссер Николай Иванович Соболев-Самарин постоянно разъезжал с труппой по городам. «... А мы с бабушкой жили в Нижнем, — вспоминала Антонина Николаевна. — Ба-

бушка моя была святое существо, простая русская женщина, которую все окружающие очень любили, особенно я».

Имя актрисы Самариной стало частью культуры нашего древнего города. Многие помнят ее в ролях на сцене театра драмы.

Воспоминания А. Н. Самариной, отрывки из которых мы предлагаем вниманию читателей, написаны в 1965 году. Рукопись любезно предоставила для публикации преподаватель литературы Галина Васильевна Черемухина.

ГОДОМ СВОЕГО ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЦЕНУ я считаю 1926-й. С этого времени начинается моя систематическая, непрерывная работа в театре. До этого были отдельные спектакли, отдельные месяцы работы то в театре в Одессе, то в драме (в Нижнем. — С. Ч.)...

В 1926 году я приехала в Орел, в драматический театр, и с того времени началась моя актерская жизнь со всеми ее невзгодами и радостями.

Театрального училища или института я не кончала. Выросла в актерской семье и с детства узнала, что быть актрисой — не простое дело. Я видела, какой измученный приходил отец из театра.

Дома я присутствовала в моменты его актерской работы. Он загорался: «Вот здесь, Тонечка, я

поймал его «за хвост». Тут он говорит совсем не то, что думает... Ну-ка, принеси мне, девочка, папиросы! У меня уже кончились. (Он выкуривал четыре пачки в день). Этот притворщик, понимаешь, говорит здесь совсем другое...» Но «ухваченный за хвост» часто вырывался из рук, и отец приходил из театра, удрученный неудачей.

«Копание» в роли, в психологии изображаемого лица, поиски наиболее ярких мест, рисующих характер, выработка походки, жеста, мучительный поиск формы... Я видела по отцу: актерская профессия — совсем-совсем не легкая.

В 1932 году я приехала в Горький, где главным режиссером был мой отец. Здесь труппа состояла из очень хороших, крепких актеров. Очень

хотелось бы написать о каждом из них...

Лучшая и любимая моя роль в пьесах Горького — Юлия Филипповна в «Дачниках»... Для меня была большая творческая радость играть ее. Я с утра уже предчувствовала счастье выйти на сцену и прожить, может быть, самый драматический кусок ее жизни — может быть, в последний раз драться за свое человеческое право на счастье...

Одна из довольно удачных, любимых ролей была Раневская в «Вишневом саду» Чехова. Какая это прелесть! Какая тонкость, изящество в изумительном мастерстве этого замечательного художника.

Прошла через мою артистическую жизнь со своей судьбой и Анна Каренина...

Пожалуй, самое доро-

гое воспоминание в моей актерской биографии — исполнение роли Марии Александровны Ульяновой в спектакле «Семья» (постановка Н. А. Покровского). Я волновалась, когда ее получила. А вдруг не справлюсь — ведь я играла, глазным образом, роли комедийные. Самое трудное в этой роли — не распутить нервы, не плакать, потому что сце-

ны с Аней и Володей, когда Мария Александровна узнает о казни Александра, такие сильные и драматичные, что слезы льются непроизвольно, и нужно прилагать усилия, чтобы их сдержать.

Когда работаешь над ролью, то стараешься вспомнить какого-нибудь человека, который может помочь созданию нужного образа на сце-

не. Его движение, привычки, походка, выражение лица помогут созданию роли. Я думала: «Ну, что мне может помочь в создании образа такой замечательной женщины, так много пережившей, женщины высоких чувств, матери, воспитавшей такого сына?» Пьеса Попова невысокохудожественно написана, но даже отдаленное приближение к личным, интимным переживаниям этой необыкновенной семьи становится нам дорого и священо. Играя эту роль, испытываешь благоговение...

Однажды летом во время отпуска я летела самолетом в Сочи. Когда приехала на аэродром, там уже было много народу. Скоро должна была начаться посадка. Все стояли у решетки, около дверцы, и ждали. Гудели веселые голоса улетающих на юг. Чувствовалось, что все закончили свою работу и теперь могут отдыхать и лечиться. Лишь одна женщина обратила мое внимание на себя тем, что, стоя в толпе ожидающих, она была как бы одна — с глазами, глядящими внутрь. Невысокого роста, стройная, с красивым лицом. Какая-то печать пережитых страданий лежала на ее лице и отделяла ее от всей веселой толпы. Я спросила кого-то: «Вы не знаете, кто эта женщина?» «Мать Зои Космодемьянской, Любовь Тимофеевна», — ответили мне.

Мы летели в один и тот же санаторий. Там мы встречались не часто. Она предпочитала уединение...

Обратно мы тоже летели вместе, сидели рядом в самолете. В санатории я стеснялась к ней подходить, не желая докучать ей разговорами. Сидя рядом с ней, я набралась храбрости и сказала: «Как бы я хотела сыграть Вас, Любовь Тимофеевна, на сцене!» Она спросила: «В «Сказке о правде» Алигер?» Я сказала: «Нет. Там у вас была бы слишком маленькая роль. А вам нравится это произведение?» Она помолчала. «Я не сказала бы. Все было гораздо проще и страшнее». Она произнесла это спокойно и тихо. Потом мы говорили с ней о разных вещах, но от ее взгляда, полного глубокой, запытанной скорби, скользнувшего по мне, у меня в горле сжался комок.

После знакомства с Любовью Тимофеевной мне было легче подойти к работе над образом Марии Александровны. Я поняла, какой должна была приехать домой Мария Александровна после казни Александра, какой должен быть у нее взгляд — спокойный, немножко отрешенный, как будто не видящий ничего вокруг, взгляд смертельно раненного, но скрывающего это человека.

Роль Марии Александровны очень трудно иг-

рать, потому что захлестывают волнение и слезы. И на репетициях я старалась выплакаться, чтобы слезы не мешали играть. Мария Александровна сдержанна, умеет владеть собой, умеет не огорчать детей. При чих она не позволит себе плакать. И спектакли, когда мне это удавалось, были хорошими. Когда мои глаза были сухи — плакала публика.

Дома у меня в период работы над этой ролью мебель была расставлена так, как в квартире Ульяновых. Я «обживала» все места, ходила по комнате, садилась за стол, разговаривала с воображаемыми детьми, вновь и вновь переживала удар...

В это репетиционное время я почти не жила собственной жизнью. Я почти осязаемо знала каждого члена семьи Ульяновых, и когда кто-нибудь произносил имя кого-либо из Ульяновых, оно касалось моей души, как имя родного человека.

Мне все это очень помогло. Это время было одним из самых счастливых в моей артистической жизни.

Публикацию подготовил

С. ЧУЯНОВ.

А. Н. Самарина в роли Хлестовой (спектакль «Горе от ума»).

Фото из Горьковского областного архива. (Репродукция А. ОНОШКО).

Горьковский рабочий, 1974, 27 апреля